

КОМНАТЫ Н. А. НЕКРАСОВА

Я давно знаю эти комнаты - эти исторические комнаты. Кого только не видали они - кто не перебивал в них! Тургенев, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Панаев, Добролюбов, Чернышевский, Михайлов, Пыпин, Антонович, Жуковский, Мельников-Печерский, Костомаров, Плещеев, Полонский, Григорович, Шапов, Якушкин, Помяловский, двое Курочкиных, двое Успенских, двое Слепцовых... Кого не вспомнишь,--

Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут!

Эти исторические комнаты - комнаты Некрасова.

По понедельникам, в полуденные часы, в них господствовал строгий стиль. Являлись сотрудники, постоянные и случайные, возвращались и принимались статьи, давались и выслушивались объяснения по делам редакций-- сперва "Современника", потом "Отечественных записок". В другие дни или часы здесь шла откровенная, вольная беседа - за стаканом чая или за бокалом вина.

Сколько споров слышали эти комнаты, - скольких благодарностей и упреков, дружеских приветствий и резких угроз, сближений и расхождений были они свидетелями! История этих комнат есть история литературных отношений целой эпохи, история русской журналистики.

И вот они полны теперь какого-то странного народа; они уже не комнаты, а точно улица, где толчется всякий, кому вздумается. Рядом с звездоносным вицмундиром - потертый скюртук медицинского студента, подле шикарной шляпки на взбитом шиньоне - "простоволосая" головка с откинутыми назад прядями, рядом с солидным галстуком - истрепанное кашне вокруг шеи, и тут же - шубы, пальто, военные шинели, пледы и даже чуйки.

В комнатах ходит ветер, движется человеческая волна, пахнет ладаном, а в той, "где стол был яств" - и даже на том самом месте, - стоит гроб. Как это не похоже на прежнюю обстановку этой комнаты!

Впрочем, в ней давно уже нет прежней обстановки. Стол, стоявший посредине, за которым Некрасов - в голубом шелковом халате, обложенный газетами и корректурами-- пил по утрам чай и запросто принимал близких знакомых, отодвинут куда-то в сторону или вынесен вовсе; а вместо живой беседы давно уже раздавались скорбные, ужасные, приводящие в дрожь стоны.

В первый период болезни Некрасова, до операции, я был у него несколько раз и почти всегда выносил самое тягостное впечатление. О чем с ним говорить? Как держать себя? Чем его занимать? Разговоры о болезни его раздражают-- разве он сам раскроет легкое покрывало и, обнажив высохшую, тонкую, как рука ребенка, ногу, скажет глухим, расслабленным голосом: "Вот, отец (обычное его выражение), - таю, высох совсем". Утешать или обнадеживать - бесполезно и совестно: он лучше, чем кто-нибудь, знал, что "не поможет ему аптека и мудрость опытных врачей". Говорить о вещах посторонних - тоже совестно, да и тяжело, потому что сил нет говорить о них спокойно при виде таких ужасных страданий. Только два визита прошли для меня легко и даже приятно. В один из них Некрасов разговорился по поводу напечатанного в "Неделе" стихотворения, отвечавшего на его "Последние песни":

Не говори, что ты сойдешь в могилу,
Никем не оценен и не любим...

В этом стихотворении были такие строфы:

Твои вины давно она (родина) простила
За то, что ты любить ее умел...¹

Выражение "твои вины" навело Некрасова на целый ряд воспоминаний. "Я знаю, - говорил он, - меня упрекали в *практичности* и в разных разностях. Еще Белинский говаривал об этом...² Но если б во мне не было практичности - разве я смог бы в"сти "Современник"? Ведь трудно - ох, как трудно было это!" Потом он заговорил о некоторых своих слабостях - и назвал их "органическим пороком" всего своего рода. Его дед проиграл в карты громадное состояние; его отец спустил почти все, что получил от деда³. Он очень долго говорил на эту тему и сообщил много любопытных подробностей из своей жизни.

В другой раз он захотел прочитать новое стихотворение-- "Мать". Он приподнялся на своей кушетке и стал шарить рукой по столику, ища рукопись; но рукописи не оказалось. "Посмотрите, отец, нет ли вон там", - указал он глазами на другой стол, но и там не оказалось. "Ну, ничего, я и так прочту... Должно быть, Анна Алексеевна (сестра) с собою взяла... Я и так вспомню". - "Да вспомните ли?" - "Вспомню! Я ведь все свои стихи помню, могу вам сейчас что угодно прочитать". Это для меня было новостью, и я выразил удивление. "Да, все помню! - повторил Некрасов. - Ведь с большим трудом все это писалось... Читать-то легко, а писать очень трудно было - поневоле запомнишь". Он поправил головой подушку, принял полусидячее положение и, предварительно сообщив сюжет пьесы (она потом была напечатана в "Отечественных записках", впрочем, несколько измененная), рассказал, как его мать была украдена с балу в Варшаве (она была полька), как бежала тайно от родителей с отцом Некрасова, как потом страдала всю жизнь в грубой помещичьей семье и, наконец, умерла⁴. Рассказывая все это, он вспоминал о матери с такой любовью, с такой трогательной нежностью, он приписывал ей такое громадное влияние на всю свою жизнь и рисовал ее образ в таком поэтическом ореоле, что для меня стала вполне понятна восторженность, с какою он вспоминал о матери в прежних своих стихотворениях.

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других!

.....
Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! То не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну - и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь.
Треволнения мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво безгласная -
Молода умерла ты, прекрасная!⁸

Мне невольно припомнились эти чудные, необыкновенно задушевные и поэтические строфы, когда я слушал рассказ Некрасова о матери.

Но вот он кончил и начал читать стихотворение. Голос Некрасова всегда был несколько глухой, и потому его певучее чтение всегда действовало на меня как-то особенно. Но теперь, когда он был полутруп, этот голос звучал совсем замогильной нотой - и жутко от него становилось.

... Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя! Прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю -
К свободе ей заказаны пути!
Позорный плен, весь ужас женской доли
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу, подвижница, пою...

Некрасов остановился и перевел дух... Видимо, его самого, подавлял этот образ, который он вызывал из-за могилы.. Видимо, он слышал на себе его дыхание, чувствовал прикосновение его любящих уст.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла!

.....
И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы,
Поправшей все разумное, ногами
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты -
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

.....
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? Прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увы, ее уж нет!⁶

Я привожу только отрывки из того, что читал Некрасов. Он несколько раз останавливался во время чтения, и последние строки читал уже почти шепотом. Наконец он кончил, закрыл глаза и в утомлении закинул назад голову... "Ее уж нет - и тебя скоро не станет!" - думал я, глядя на его изможденное лицо, высокий лоб, полукрытые губы...

И вот его не стало... 30 декабря в "исторических комнатах" толпился народ, и в десятом часу утра толпа молодежи вынесла на руках его гроб. У подъезда дожидалась богатая погребальная колесница, но ей не досталась честь везти этот дорогой прах; его несли на руках до самого Новодевичьего монастыря, то есть добрых восемь верст!

Похороны Некрасова не походили на похороны Тьера. У того шли за гробом сотни тысяч, там в печальной процессии участвовало все население, весь город, закрывший свои магазины и облекшийся в траур. Гроб Некрасова провожали тысячи три человек, и город ничем не обнаружил своей скорби. Но для Петербурга это все-таки были невиданные похороны - и по многолюдству, и по внешнему виду. Гроб, как я сказал, всю дорогу несли на руках. Впереди его шла толпа с несколькими громадными венками, украшенными надписями: "Некрасову - студенты", "Бессмертному певцу народной скорби", "От русских женщин", "Слава печальнику горя народного" и др. Толпа, несшая эти венки, всю дорогу - хором человек в двести - пела "Святой боже", и пела так усердно, что я боюсь, как бы большинство ее не захворало дифтеритом. На кладбище, говорят, толпа эта возросла до пяти тысяч человек. Пять тысяч на похоронах русского писателя - это кое-что значит! Вся литература участвовала в этой толпе. В церкви, после обедни, профессор петербургского университета священник Горчаков произнес теплую, прочувствованную речь, а потом читались речи и на самой могиле.

Примечания

Либеральный публицист и критик Павел Александрович Гайдебуров (1841--1893) начинал свою деятельность в демократических изданиях. В "Современнике" он опубликовал стихотворный перевод "Гайдамаков" Шевченко (1861, No 5), рассказ "Надзиратель" (1862, No 5); в "Искре" в 1863--1865 годах вел отдел "Хроника прогресса". В 1866 году был приглашен в "Современник" вести "Провинциальное обозрение". В 1869 году он стал сотрудником-издателем, а в 1876 - редактором-издателем либерально-народнической газеты "Неделя". В эти годы его встречи с Некрасовым были эпизодическими. Общественно-политическая позиция "Недели" Гайдебурова была иной, чем позиция "Отечественных записок", но поэзию Некрасова Гайдебуров и его газета поддерживали.

В "Неделе" (1875, No 14) было опубликовано литературное обозрение К. В. Лаврского "Русская литература в 1874 году", в котором Лаврский выступил против злобной "критики на Некрасова", передержек, содержащихся в статье В. Авсеенко "Реальнейший поэт" (*РВ*, 1874, No 7).

"Неделя" в сообщении о "тяжелой болезни" Некрасова назвала его "известным певцом народной скорби" (1877, No 5). Там же были перепечатаны из "Отечественных записок" (1877, No 1) отрывки из стихотворений Некрасова "Нет, не поможет мне аптека...", "Скоро стану добычею тленья...".

Воспоминания Гайдебурова написаны сразу же после похорон Некрасова.

Печатается по тексту газеты "Неделя", 1878, No 1 от 1 января, стр. 36--39.

¹ Стр. 470. Это Стихотворение безымянного автора было опубликовано в "Неделе" от 30 января 1877 г.

² Стр. 470. Об этом см. стр. 60.

³ Стр. 470. Этот рассказ подтверждается другими источниками. Тетка поэта Т. С. Алтуфьева вспоминала о его деде, С. А. Некрасове: "Живши в Москве, отец наш любил играть в карты и много проигрывал. Последний проигрыш был в 8 тысяч ассигнациями. На расплату заложил ярославскую деревню Салтыковку" (*Евгеньев-Максимов*, 1, стр. 14). В автобиографических набросках Некрасов воспроизводит разговор с ним отца, А. С. Некрасова: "Предки наши были богаты, прапрапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прадед две, дед (мой отец) одну, я ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже любил" (*ЛН*, т. 49--50, стр. 144).

⁴ Стр. 471. Отрывки из поэмы "Мать" были опубликованы в "Отечественных записках" (1877, No 3). Польское происхождение матери Некрасова Е. А. Закревской оспаривается многими исследователями.

⁵ Стр. 471. Из стихотворения "Рыцарь на час".

⁶ Стр. 472. Строфы из поэмы "Мать".